

Клейнер Г.Б.

чл.-кор. Российской академии наук, д-р экон. наук, профессор, зам. директора ФГБУН «Центральный экономико-математический институт Российской академии наук», научный руководитель Научной школы «Институциональная экономика и управление» Государственного университета управления, заведующий кафедрой институциональной экономики ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Москва

e-mail: george.kleiner@inbox.ru

Институты: определение, признаки и направления исследования

Аннотация.

Автор исследует сущность и содержание понятия «институт» с точки зрения различных подходов современной институциональной теории. Автор раскрывает взаимосвязь институтов с культурными, социальными, правовыми нормами, нормами поведения, рутинными, привычками, предлагает собственную оригинальную картину институциональной архитектуры социально-экономической системы и обосновывает дальнейшие направления исследований институциональной экономической теории.

Ключевые слова:

институты, формальные институты, неформальные институты, нормы, правила, институционализация норм, институциональное взаимодействие, культура, рутины, привычки.

Kleiner G.B.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Scientific Adviser of Scientific School "Institutional Economic and Management" of State University of Management, Head of Department of Institutional Economics, State University of Management, Moscow

e-mail: george.kleiner@inbox.ru

Institutions: Definition, Attributes and Research Areas

Abstract.

The author explores the essence and content of the concept of «institute» in terms of the different approaches of contemporary institutional theory. The author shows the relationship of institutions with cultural, social, legal norms, norms of behavior, routines, and habits. The author offers his own original picture of the institutional architecture of the socio-economic system and proves subsequent research areas of institutional economics.

Keywords:

Institutes, formal institutions, informal institutions, rules, regulations, institutionalization of norms, institutional cooperation, culture, routines, habits.

Институциональная экономическая теория активно развивалась в конце XX в. – начале XXI в., но разные исследователи до сих пор придерживаются различных определений ключевого для этого направления понятия «институт». В работах «старых» институционалистов, в том числе в основополагающих работах Т. Веблена, институт определялся и трактовался как «стереотип мысли» (habit of thought). «По своей природе они [институты] представляют собой привычные способы реагирования на стимулы, которые создаются этими изменяющимися обстоятельствами. Институты — это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [3, С. 200, 201].

В современной литературе определение института опирается обычно на понятие нормы или правила, определяющего те или иные аспекты социально-экономической деятельности субъектов или их групп. Так, вслед за Д. Нортом [16] А.Е. Шаститко дает определение института как совокупности а) правил, которые ограничивают поведение экономических агентов и упорядочивают взаимодействие между

ними, а также б) соответствующих механизмов контроля (у Норта — принуждения) за соблюдением данных правил [20]. Иногда о механизмах контроля в определении института не упоминается; в этом случае подразумевается, что такие механизмы (по сути дела, также относящиеся к числу институтов) присутствуют в явной или неявной форме. Так, В.М. Полтерович в некоторых работах пользуется терминами «институт», «норма», «правило поведения» как синонимами, не вдаваясь в уточнения [17, 18].

Для уточнения понятия института необходимо, в первую очередь, ответить на два основных вопроса: 1) любая ли общественная норма может стать основой института или, иными словами, стать институционализированной нормой; 2) должно ли понятие института быть «бинарным», т.е. включать как норму, так и механизмы ее поддержания?

Развивая идеи Р. Штаммлера [22], В.Г. Гребенников [5] вводит понятие *рефлексивной нормы*, т.е. внешней (навязываемой или рекомендуемой извне) по отношению к каждому индивиду нормы, соблюдение которой, во-первых, можно однозначно идентифицировать с помощью наблюдения за

поведением субъекта (без необходимости получать информацию непосредственно от субъекта о его мотивах или соображениях), во-вторых, отвечает системе социальных (общественных, коллективных, индивидуальных) ожиданий относительно этого поведения. Эти нормы В.Г. Гребенников противопоставляет *этическим* нормам, следование которым есть результат внутреннего выбора.

Рефлексивные нормы, несомненно, составляют важную часть системы институциональных норм в целом, но даже вместе с нравственно-этическими нормами не охватывают ее целиком. Не относятся к рефлексивным и нравственным многие нормы, которые устанавливает данный индивид для себя, действуя из внутренних побуждений и согласуясь с внешними факторами. Скажем, правило «при любых условиях своевременно отдавать долги» или правило «как можно меньше использовать заемные средства», устанавливаемые для себя индивидами или юридическими лицами, не относятся непосредственно к числу нравственных, но и не рефлексивные в смысле Гребенникова–Штамлера. По нашему мнению, существенной качественной разницы для агента между функционированием той или иной установки как внутренней или внешней для него нет. Ни степень строгости или неотвратимости санкций за нарушение норм, ни пристальность мониторинга процесса соблюдения норм не могут быть использованы для различения внутренних и внешних норм, определения их «авторства». Что же касается связи рефлексивных норм с системой взаимных ожиданий, которую В.Г. Гребенников считает одним из основных признаков «институциональности» норм, то здесь необходимо отметить, что система взаимных ожиданий сама по себе не генерирует общественные нормы, но лишь оценивает возможность и вероятность их соблюдения.

Исходя из сказанного, примем следующее определение: под нормой будем понимать *правило, предписание или образец, адресованные конкретному или неопределенному множеству агентов и определяющие характеристики восприятия, интерпретации или использования социально-экономической информации для принятия решений, поведения и формирования отношений в обществе.*

Перейдем теперь непосредственно к определению института. В.В. Зотов, В.Ф. Пресняков и В.О. Розенталь определяют экономические институты как «общественно признаваемые функционально-организационные формы коллективной экономической деятельности, через которые реализуется системная функция экономики» [6]. При этом основными для экономических институтов индустриального обще-

ства авторы считают «институты фирмы, реализующие производственную функцию, домашние хозяйства, организации (например, финансово-промышленные группы, банки, профсоюзы)», а также «институты рынка, финансово-кредитной и бюджетной сфер и т.п., реализующие трансакционные функции экономики». Дополнительно выделяются *институции обычного права* – «неформальные ценностно-нормативные обязательства во взаимоотношениях людей» и *институциональные акты* – «принятые обществом формальные правила и требования по взаимодействию людей в процессах коллективной деятельности». Такая диверсификация понятия института, хотя и расширяет наши представления о формах социально-экономических институтов, все же, по нашему мнению, в определении не совсем уместна.

В.Ф. Пресняков называет институтами «устойчивые функциональные, организационно-символические единицы общества, определяющие его нормативно-ценностные характеристики» [19].

В целом с точки зрения связки «норма (нормы) – институт» среди существующих вариантов определения понятия института можно выделить три основных варианта:

- первый – «индивидуализированные» определения институтов как относительно самостоятельных сущностей («институт – это устойчивая норма»);
- второй – «холистические» или системные определения: «институт – это комплекс ролевых отношений» [4], «институт – интегрированный комплекс традиций и рутин», а сами рутины / рутинные действия – это «повторяющиеся схемы действий, которые обеспечивают и контролируют спокойное и бесперебойное функционирование организации. Они распространяются на такие области, как прием на работу, увольнение, реклама и составление бюджета. Организации состоят из иерархически выстроенных рутинных действий» [12, с. 153];
- третий представлен «дуэтными» или «бинарными» определениями, в соответствии с которыми институт – это норма плюс механизмы, контролирующие и поддерживающие ее выполнение.

Начнем анализ с последнего направления. Имеет ли смысл включать наличие специфических поддерживающих механизмов в состав обязательных признаков института? Положительный ответ означает, что конкретная норма (правило, обычай) становится институтом только в совокупности с некоторыми другими особыми рода правилами и нормами, ведь сами поддерживающие механизмы – это

ни что иное, как определенные правила и нормы. Но коль скоро это так, эти последние нормы также должны сопровождаться механизмами, которые также должны поддерживаться соответствующими механизмами инфорсинга и т.д. Получается, что институциональными признаются только целые цепочки поддерживающих друг друга норм. Но какова длина этих цепочек? Такая цепочка должна быть либо бесконечной, и тогда определение института теряет операциональность, либо закольцованной. В последнем случае мы приходим к определению института как относительно автономной системе поддерживающих друг друга в совокупности норм или правил. По сути дела, такое определение совпадает с трактовкой понятия института Р. Нельсоном и С. Уинтером [14] и В.Г. Гребенниковым [4, 5]. Таким образом, третье определение, по сути, оказывается вариантом второго.

По нашему мнению, употребление в определении института термина «норма» в сочетании с упоминанием ее устойчивости (при условии более точной формулировки последнего свойства, на чем мы остановимся ниже) уже подразумевает определенную укорененность данной нормы в обществе, независимо от того, можно ли вычленивать, идентифицировать и явно указать конкретные механизмы поддержки данной нормы и, следовательно, отвечает сути понятия «институт». Как мы увидим далее, «укорененность» или институционализация нормы часто обусловлена причинами, далеко не укладывающимися в понятие механизмов принуждения.

Для формулировки понятия института необходимо уточнить также понятие *устойчивости* нормы. Речь идет, очевидно, не только о продолжительности ее функционирования во времени, хотя это условие необходимо. Важнее другое. Норма должна существовать вне зависимости от текущих действий или произвола основной массы агентов. Устойчивую норму можно уподобить гигантскому камню, который не в состоянии сдвинуть с места самостоятельно ни один агент или группа агентов. Только собравшись вместе в значимом числе или воспользовавшись специальными механизмами, агенты могут разрушить или сдвинуть с места этот камень. Таким образом, норма устойчива относительно действий «типового», или «среднего» агента.

Что же касается системных определений второго направления, то их операциональное использование часто бывает затруднено из-за проблем с установлением границ целостной системы, отвечающей понятию данного института. Поэтому целесообразно остановиться на определениях первого направления. Соглашаясь с В.Г. Гребенниковым в

том, что институты часто существуют не «россыпью», а «кустами», и понимая под конкретным институтом *систему* норм и правил, в операциональных целях мы допускаем для обозначения института использование одной, в каком-то смысле ключевой для данного института нормы. Так, говоря об институте бартера, будем иметь в виду *возможность* (а в некоторые периоды развития российской экономики и *привычку*) проводить товарные обмены вместо товарно-денежных, не забывая при этом *систему* форм учета бартерных операций, связанной с этим отчетностью и других процедур.

Остановимся кратко на одном важном в идейном и дефиниционном отношении вопросе, касающемся связей между понятиями института и организации. В литературе имеются значительные разночтения в использовании этих понятий. Некоторые авторы рассматривают организации как частный случай (формальных) институтов. Последователи Д. Норты, наоборот, считают, что организации — лишь *субъекты* институтов как «правил игры». Так, по В.Ф. Преснякову при институциональном подходе организации должны рассматриваться как социальные единицы, для которых характерны конфликт интересов социальных субъектов и коллективное действие. В этом контексте, однако, утверждение В.Ф. Преснякова «социальный мир — это мир организаций» [19, с. 107], представляется нам неполным. «Социальный мир» составляют объекты по меньшей мере двух типов: организации и индивиды. Вследствие этого, по нашему мнению, ситуация здесь носит принципиально двойственный характер. Несомненно, что организации могут рассматриваться как класс субъектов институциональных норм. С каждой организацией, кроме того, неразрывно связан целый комплекс общих для данного микросоциума устойчивых норм и правил, касающихся легитимизации организации, членства в ней, координации деятельности членов и т.д. Практически каждая организация обладает собственными специфическими культурными и функциональными «микроинститутами», комплекс которых можно идентифицировать с помощью наименования данной организации. Поэтому уместно упомянуть своеобразную максиму К. Вейка: «Корпорация не *обладает* культурой. Корпорация *и есть* культура» [23]. Таким образом, в одном контексте организация может выступать как субъект институционального поведения и институциональных взаимодействий, в другом — быть ареной действия внутренних и иных институтов. Часто встречается и третий вариант связи института и организации: конкретная организация может служить символом для обозначения

группы специфических, связанных с этой организацией институтов (например, «институт армии»)

В соответствии с вышесказанным сформулируем теперь определение институтов, которым будем пользоваться в настоящей работе. Под институтами будем понимать *относительно устойчивые по отношению к изменению поведения или интересов отдельных субъектов и их групп, а также продолжающие действовать в течение значимого периода формальные и неформальные нормы либо системы норм, регулирующие принятие решений, деятельность и взаимодействие социально-экономических субъектов (физических и юридических лиц, организаций) и их групп*. Для наименования института может использоваться как ключевая норма («институт банкротства»), так и ключевой объект («институт семьи»).

Завершая элементы дефиниционного анализа, отметим, что в принципе в зависимости от цели и характера исследования можно использовать любое из определений института. Вместе с тем желательно, чтобы понятие института отражало сложившиеся нормы словоупотребления (уже отраженные в рамках, если угодно, «институт языка») и было бы, по крайней мере, настолько общим, чтобы включать в качестве частных случаев большинство устойчивых словосочетаний, включающих слово «институт». Так, понятия «институт брака», «институт собственности», «институт денег», «институт адвокатуры», «институт банкротства», «институт защиты диссертаций», «институт ипотеки», «институт прописки (регистрации)», «институт распределения (трудоустройства) выпускников вузов», «институт налогового декларирования» и т.п., очевидно, должны, по нашему мнению, соответствовать частным случаям употребления понятия «институт». Мы не считаем возможным исключить эти языковые образования из числа примеров использования института, отнеся их, как предлагает В.Г. Гребенников, к случаям «нестрогого» употребления этого понятия. Наоборот, признать «строгим» и корректным можно лишь определение института, которое охватывает уже сложившиеся языковые нормы.

Часто для неформальной характеристики понятия института используют образ перегородки, забора, который разделяет открытое пространство на подпространства (так, институт собственности проводит охраняемую границу между «своим» и «не своим»). Например, А. Шаститко считает ограничительный характер обязательным свойством института [21]. По нашему мнению, такой образ не отвечает понятию института во всей его полноте. В каждый конкретный период появления того или иного общественного института соответствует не

столько строительству новой перегородки или барьера, сколько прокладыванию через пересеченную местность дороги, позволяющей при желании двигаться в нужном направлении, причем часто эта дорога возникает как побочное следствие строительства барьера. Так, деятельность инспекции по качеству того или иного товара, которая воспринимается его *производителями* (а также априорными сторонниками радикальной либерализации экономики) как «административный барьер», для *потребителей* выглядит как «расчистка пути» при выборе и приобретении товаров. Институт адвокатуры не только упорядочивает судебные и досудебные взаимоотношения истца и ответчика, но и предоставляет определенные права тому и другому участнику судебного разбирательства. Понятие административного барьера также трактуется в литературе неоднозначно. А.Е. Шаститко [1, с. 7] определяет административные барьеры как «установленные решениями законодательных и исполнительных органов власти правила, соблюдение которых является обязательным условием ведения хозяйственной деятельности на соответствующих рынках товаров и услуг». В.Л. Тамбовцев [1, с. 20] уточняет: только те правила, которые возлагают на субъекты хозяйственности непроизводительные издержки, превышающие позитивное воздействие координирующей и ограничивающей функций правил. Поскольку однозначная количественная оценка позитивных воздействий институтов с учетом многообразия участвующих субъектов вряд ли осуществима, такое определение трудно применять реально.

В этом смысле не будет парадоксальным трактовать даже интенсивное институциональное строительство как движение в сторону либерализации, имея в виду либерализацию поведения тех или иных общественных групп. Принятие правил, «Парето-ухудшающих» ситуацию за счет введения дополнительных ограничений для всех реальных или потенциальных участников, обычно не имеет институционального характера, поскольку не проходит стадию укоренения в обществе. В итоге наиболее адекватным образным выражением института может быть образ городской застройки, создающий как возможности, так и препятствия для передвижения и осуществления функций жителей города.

В понятии института отражается своеобразное сочетание, с одной стороны, концепций свободы воли и, с другой — некоторой предопределенности выбора экономических субъектов, к которым относится данный институт. Во-первых, само понятие института означает выделение нормы, инвариантной относительно поведенческих особенностей субъек-

та в конкретной ситуации, в качестве самостоятельной сущности. Институциональный подход, следовательно, предполагает расщепление мотивов поведения субъекта в целом на две группы факторов: фиксированную, определяемую ситуационно независимыми нормами (институциональные факторы), и переменную, определяемую особенностями ситуации, в том числе интересами субъектов (аналог — понятие функции). Во-вторых, под институтами понимаются конкретные алгоритмы принятия решений в конкретной ситуации, где ситуационно зависимые и ситуационно инвариантные условия синтезированы в единое целое.

«Мир институтов» представляет собой сложную структуру, элементы которой имеют различный характер и по-разному связаны как между собой, так и с реальными социально-экономическими объектами и процессами. Например, понятие «институт фирмы» относится, как справедливо отмечается в [6], к базовым институтам общества, а институт ежегодных апрельских выступлений руководителей компании «Сони» перед принятыми на работу в «Сони» выпускниками колледжей [13] носит локальный характер. Некоторые институты, например институт среднего образования, представляют собой гигантские социально-экономические системы, в деятельность которых вовлечены огромные массы людей. Другие институты, например ежедневный прием конкретным индивидом определенного лекарства в течение многих лет, имеют предельно узкую сферу применения (по нашему мнению, нет никаких оснований исключать такую норму из числа институтов только ввиду ограниченности множества субъектов, которым она адресована). Это побуждает ввести понятие *носителя института* как множества субъектов или систем, которые подлежат охвату, могут быть охвачены или фактически охвачены данным институтом. Носитель может быть *номинальным* (вся совокупность агентов, к которым относится действие данной нормы) и *фактическим* (совокупность агентов, реально следующих ей).

В общем случае каждый институт может быть охарактеризован с помощью следующих признаков:

1) тип субъектов, которых призвана охватывать данная норма (граждане, организации, юридические лица, предприятия — участники внешнеэкономической деятельности, работники данного предприятия, субъекты Федерации и т.п.) (*тип номинального носителя* института);

2) множество субъектов данного типа, на которых рассчитана данная норма (граждане страны, достигшие 16-летнего возраста; конкретное предприятие;

все коммерческие организации данного города; женщины, работающие на данном предприятии; субъекты Федерации, расположенные на Крайнем Севере, и т.п.). Это множество будем называть *номинальным носителем* данного института;

3) множество субъектов данного типа, фактически соблюдающих данную норму (возможны промежуточные градации, характеризующие множества субъектов, придерживающихся данной нормы «иногда», «в определенных обстоятельствах», «как правило», «в основном» и т.п.) (*фактический носитель* института);

4) сфера принятия решений, деятельности или взаимоотношений субъектов, регламентируемых данной нормой;

5) время возникновения, период устойчивости института;

6) степень формализации института;

7) тип механизмов непосредственного информирования, затрагиваемых данным институтом субъектов о данной норме;

8) тип механизмов непосредственного контроля за соблюдением норм.

Институт характеризуется рядом признаков и различие хотя бы одного из них требует считать соответствующие институты разными. Наиболее важна для характеристики эволюции институтов их классификация по первым двум признакам. Соответственно институты можно разделить на *макроэкономические*, определяющие протекание макроэкономических процессов; *микроэкономические*, относящиеся к принятию решений, деятельности и взаимодействию организаций (предприятий), а также между предприятиями и заинтересованными в их деятельности субъектами; *наноэкономические*, определяющие социально-экономическое поведение индивидов. Микроэкономические институты после работы Р. Нельсона и С. Уинтера [14] называются также рутинными. Наноэкономические институты относятся в значительной мере к социопсихологической сфере и тесно связаны с ментальными и культурными особенностями граждан данной страны, местности или сообщества. Взаимодействие разнородных институтов в целом создает, по выражению Д. Норта, «совокупную институциональную систему, присущую данному обществу» [15].

Совокупность социально-экономических институтов можно уподобить архитектурной застройке города, когда расположение отдельных зданий / сооружений (характеристики институтов) определяет траектории движения жителей города (принимаемые экономическими субъектами решения). Вызовом для современной институциональной теории, на

наш взгляд, является изменение этой «архитектурной» институциональной застройки, т.е. ответ на вопрос «Как происходят институциональные изменения?». Существуют различные теории, их авторы акцентируют внимание на разных факторах, но единой теории пока не сформировалось. Задача ученого – изучать институциональное пространство

с целью построения навигации, эффективной для всех экономических субъектов. Для этого необходимо разграничивать институциональное, культурное, когнитивное пространство, но важно понимать, что исследование институтов, институциональной среды, институциональных процессов – ключ к пониманию социально-экономической системы.

Литература

1. Административные барьеры в экономике: институциональный анализ [Текст] / Под ред. А.А. Аузана и П.В. Крючковой; ИИФ «СПРОС» КонфОП. – М., 2002. – С. 7.
2. Быченков В.М. Институты: сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности [Текст] / В.М. Быченков. – М.: Российская академия социальных наук, 1996.
3. Буае Р. Теория регуляции: критический анализ [Текст] / Р. Буае. – М.: Наука для общества : РГГУ, 1997.
4. Веблен Т. Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – С. 200–201.
5. Гребенников В.Г. Ассоциации на пройденные темы [Текст] / В.Г. Гребенников // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 1.
6. Гребенников В.Г. Институционализм как методология экономической науки [Текст] / В.Г. Гребенников // Вестник Государственного университета управления. – 2000. – № 1. – (Институциональная экономика).
7. Зотов В.В. Институциональные проблемы функционирования и преобразования экономики России [Текст] / В.В. Зотов, В.Ф. Пресняков, В.О. Розенталь // Экономическая наука современной России. – 1999. – № 1.
8. Клейнер Г.Б. Институциональные аспекты реформирования российских промышленных предприятий [Текст] / Г.Б. Клейнер // Проблемы теории и практики управления. – 2002. – № 4.
9. Клейнер Г.Б. Институциональные факторы долгосрочного экономического роста [Текст] / Г.Б. Клейнер // Экономическая наука современной России. – 2000. – № 1.
10. Клейнер Г.Б. Особенности процессов формирования и эволюции социально-экономических институтов в России [Текст] / Г.Б. Клейнер. – М.: ЦЭМИ РАН, 2001.
11. Клейнер Г.Б. Эволюция системы экономических институтов в России [Текст] / Г.Б. Клейнер. – М.: ЦЭМИ РАН, 2004.
12. Клейнер Г.Б. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность [Текст] / Г.Б. Клейнер, В.Л. Тамбовцев, Р.М. Качалов. – М.: Экономика, 1997.
13. Минцберг Г. Школы стратегий [Текст] / Г. Минцберг, Б. Альстрэнд, Л. Лэмпел. – СПб.: Питер, 2000.
14. Мори А. Сделано в Японии. История фирмы «Сони» [Текст] / А. Мори. – М.: Прогресс-Универс, 1993.

References

1. Auzan A.A., Kryuchkova P.V. *Administrativnye bar'ery v ekonomike: institutsional'nyy analiz* [Administrative barriers in the economy: institutional analysis]. Moscow, IIF «SPROS» KonfOP Publ., 2002, p. 7.
2. Bychenkov V.M. *Instituty: sverkhkollektivnye obrazovaniya i bezlichnye formy sotsial'noy sub'yektivnosti* [Institutions: sverkhkollektivnye education and impersonal forms of social subjectivity]. Moscow, Rossiyskaya akademiya sotsial'nykh nauk Publ., 1996.
3. Buaye R. *Teoriya regulyatsii: kriticheskiy analiz* [regulation theory: a critical analysis]. Moscow, Nauka dlya obshchestva: RGGU Publ., 1997.
4. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow, Progress Publ., 1984, pp. 200–201.
5. Grebennikov V.G. *Assotsiatsii na proydennye temy* [Association passed on the subject]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia]. 1998, I. 1.
6. Grebennikov V.G. *Institutsionalizm kak metodologiya ekonomicheskoy nauki* [Institutionalism as an economic methodology]. *Vestnik Gosudarstvennoy universiteta upravleniya* [Bulletin of the State University of Control]. 2000, I. 1.
7. Zotov V.V. *Institutsional'nye problemy funktsionirovaniya i preobrazovaniya ekonomiki Rossii* [Institutional problems of functioning and transformation of the Russian economy]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia]. 1999, I. 1.
8. Kleyner G.B. *Institutsional'nye aspekty reformirovaniya rossiyskikh promyshlennykh predpriyatiy* [Institutional aspects of the reform of the Russian industrial enterprises]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of the theory and practice of management]. 2002, I. 4.
9. Kleyner G.B. *Institutsional'nye faktory dolgovremennogo ekonomicheskogo rosta* [Institutional long-term economic growth factors]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia]. 2000, I. 1.
10. Kleyner G.B. *Osobennosti protsessov formirovaniya i evolyutsii sotsial'no-ekonomicheskikh institutov v Rossii* [Features of the formation and evolution of social and economic institutions in Russia]. Moscow, TsEMI RAN Publ., 2001.
11. Kleyner G.B. *Evolyutsiya sistemy ekonomicheskikh institutov v Rossii* [The evolution of the system of economic institutions in Russia]. Moscow, TsEMI RAN Publ., 2004.
12. Kleyner G.B. *Predpriyatie v nestabil'noy ekonomicheskoy srede: riski, strategii, bezopasnost'* [The company in an unstable economic environment: risks, strategy, security]. Moscow, Ekonomika Publ., 1997.

15. Нельсон Р. Эволюционная теория экономических изменений [Текст] / Р. Нельсон, С. Уинтер. — М.: Финстатинформ, 2000.
16. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997 (а).
17. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа [Текст] / Д. Норт // Вопросы экономики. — 1997 (б). — № 3.
18. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы [Текст] / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы. — 1999. — Т. 35. — № 2.
19. Полтерович В.М. Трансплантация институтов [Текст] / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3.
20. Пресняков В.Ф. Предмет и задачи институциональной теории организации [Текст] / В.Ф. Пресняков // Вестник Государственного университета управления. — 2001. — № 1 (2). — (Институциональная экономика).
21. Шаститко А.Е. Новая институциональная теория [Текст] / А.Е. Шаститко. — М.: ТЕИС, 1998.
22. Шаститко А.Е. Условия и результаты формирования институтов [Текст] / А.Е. Шаститко // Вопросы экономики. — 1997. — № 3.
23. Штаммлер Р. Хозяйство и право [Текст] / Р. Штаммлер. — СПб., 1898.
24. Weick K.E. Sensemaking in Organizations / K.E. Weick. — Thousand Oaks: Sage Publications, 1995.
13. Mintsberg G. *Shkoly strategiy* [Strategies Schools]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000.
14. Mori A. *Sdelano v Yaponii. Istoriya firmy «Soni»* [Made in Japan. The history of the company “Sony”]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1993.
15. Nel'son R. *Evolyutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmeneniy* [Evolutionary Theory of Economic Change]. Moscow, Finstatinform Publ., 2000.
16. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala» Publ., 1997 (a).
17. Nort D. *Institutsional'nye izmeneniya: ramki analiza* [Institutional changes: the scope of the analysis]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economy]. 1997 (b), I. 3.
18. Polterovich V.M. *Institutsional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy* [Institutional traps and economic reforms]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods]. 1999, V. 35, I. 2.
19. Polterovich V.M. *Transplantatsiya institutov* [Transplantation of institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia]. 2001, I. 3.
20. Presnyakov V.F. *Predmet i zadachi institutsional'noy teorii organizatsii* [The object and purpose of the institutional organization theory]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya* [Bulletin of the State University of Management]. 2001, I. 1 (2).
21. Shastitko A.E. *Novaya institutsional'naya teoriya* [New institutional theory]. Moscow, TEIS Publ., 1998.
22. Shastitko A.E. *Usloviya i rezul'taty formirovaniya institutov* [The conditions and results of formation of institutions]. *Voprosy ekonomiki* Publ., 1997, I. 3.
23. Shtammler R. *Khozyaystvo i pravo* [Questions of economy]. St. Petersburg, 1898.
24. Weick K.E. *Sensemaking in Organizations*. Thousand Oaks: Sage Publications, 1995.